

У КОРЯКОВ есть свой поэт и писатель — Владимир Коянто (Косыгин). Ительменов представил в литературе народов Севера Георгий Поротов. Чукотское население севера Камчатки пока не имеет своего, общепризнанного, национального поэта.

Им по праву может стать Вячеслав Анхаки, поэт из Средних Пахачей. Сын оленевода, разнорабочий из далекого тундрового поселка Средние Пахачи, он пока еще опубликовал один небольшой сборник «Избранного».

В. Анхаки отобрал в сборник скупую подборку, чуть больше десятка стихов, написанных за многие годы. Радует требовательность поэта к самому себе. Стихов без открытий, поэтических находок в этой подборке нет вовсе.

Широта поэтической отзывчивости поэта говорит нам, читателям, о его гражданской активности, патриотизме. В одних стихах — размышления о том, почему молодые ре-

бята уходят из тундры, бросают потомственную профессию, чаут.

Вернуться к родному очагу, донести через поколения мудрость северного быта и образа жизни оленевых людей, сберечь нашу

ПЕРЕД КРАЕМ ЛЮБИМЫМ В ДОЛГУ

жизнь должны молодые — искренне, со всей силой поэтической убежденности, провозглашает поэт.

Привлекают его люди трудового Севера, их соляркой пахнущие руки, трактористы, «солдаты снежных трасс». Десятки часов они бессменно за рулем, устают в «доску», а когда приезжают в далекий тундровый поселок, без лишних эмоций, просто говорят встречающим: «Мы тут уголек подвезли».

Сын своей земли и северного народа В. Анхаки умеет перевоплотиться в рыбака и от его имени написать «Песню о Пахачах», воспеть рыбацкую

звезду, «Тихий — необъятный», «Сейнер — Родины частицу».

Есть у Вячеслава Анхаки лирические стихи и зарисовки, посвященные любимой «Ты, приди, согрей мне вьюжный вечер»,

«Свет родимого дома», «Помни».

Чукча по национальности, он владеет и родным, и русским языками. Стихи пишет на том и другом, и всегда остается сыном своего народа, истым северянином. В стихах на русском языке встречаются слова — апаито (уважительное обращение к людям преклонного возраста, дедушка), чаут (аркан), тумгутум (друг) и другие. Мышление поэта, образный строй его рифмы — глубоко поэтические. Вот его размышления о любимой:

Пурги — ветры шальные,
Наши души секли,

Но и нити связные
Разорвать не смогли.

У поэта свое, северное видение дождя, что за окном моросит, бисером по окнам стекает.

За отдельным поэтическим образом В. Анхаки

видит философски обобщенную картину и рисует ее уверенно, мастерски. Очень характерно в этом отношении стихотворение «Мои корни»:

Стланик кедровый
чудо-дерево
На суровой земле отцов.
От Охотского и
до Беринга
Вижу вечный я твой
покров.

Стланик кедровый,
сколько ветры бы,
Сколько б пурги
ни били в грудь,
Ты, как преданный друг
в лихолетье,
Облегчаешь уставшим
путь.

Ни словом не обмолвился поэт о судьбе своего

небольшого северного народа в этом стихотворении, но она, судьба народа, здесь представлена ассоциативно - многогранно, полно. Впрочем, не только чукча, но и любой житель Севера, в том чис-

ле русский, с удовольствием вслед за поэтом готов увидеть свои корни в чудо-дереве стланике.

Можно бы и дальше продолжать радоваться умению поэта, певца своего северного Синедаля удачным сравнениям, метафорам и эпитетам.

Хочется сказать о другом. О том, чем стихи Вячеслава Анхаки огорчают.

Вячеслав Анхаки учился в русской Пахачинской школе-интернате, начинал учиться в Ленинградском педагогическом институте, испытал огромное воздействие русской и мировой культуры. Знает он немало мифов и легенд, любит слушать рассказы

пожилых односельчан, но пока это в его творчестве освоения не нашло. Между тем, мифология — лучшая школа для освоения структуры народного характера.

К сожалению, работа оленеводов, их быт и нравы пока не нашли серьезного отражения в стихах Вячеслава. Молодому поэту, словом, есть над чем работать. Впереди пласты новых тем, встречи, поэтические рассказы о людях Севера, Камчатке.

Односельчане оказали В. Анхаки высокое доверие, выдвинув кандидатом в депутаты окружного Совета народных депутатов. И хотя самостоятельный поэт не был избран, сам факт выдвижения свидетельствует об уважении среднепахачинцев.

Талант, глубокое, поэтическое видение мира накапливают теперь на него двойную ответственность — и перед литературой, и перед народом.

А. МАКЕЕВ,
учитель Пахачинской школы.